

Мудрость Таланта

МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ

Иные режиссеры говорят, что важнее слов, произносимых на сцене, драматическое напряжение, направленное в зрительный зал. Не авторская «весть», мол, миру нужна, а состояние, настроение актеров, играющих жизнь.

Вероятно, это не совсем так, ибо пьеса без хорошего текста подобна немому сну. Однако не раз я ловил себя на особом волнении, когда вдруг появлялся на сцене любимый мною актер — одно появление его, походка, взгляд, тональность голоса вызвали чувство некой интриги, ожидания удовольствия, которое приносит искусство. Это чувство неизменно охватывает меня, когда я вижу и слышу Михаила Ивановича Царева с его неповторимой окраской голоса (что для меня синоним внутреннегo жеста) — и сразу власть актера, обаяние его личности распространяется с завораживающей силой.

Нельзя объяснить талант, это может сделать только время, родившее его. Поэтому нельзя расщепить и силового доля незаурядной натуры, что завоевывает разум и воздействует на чувства, заставляя и смеяться, и плакать.

Я люблю пьесу Найденова «Дети Ванюшина», драму великую, классическую, бытовую, лишенную скуки многих спектаклей прошлого века, насыщенных бутафорной неоклассикой и западной гостинной античностью (коли речь идет о быте), пьесу как бы постоянно современную, с трагической неразрешенностью, — в ней нет облегчающего успокоения, омовения лучезарной добродетелью. Но есть в ней древняя проблема поколений, которая будет существовать до тех пор, пока будет человечество и пока не прекратится спор между правдой и ложью, духовной красотой и уродством, и пока мировой обыватель не перестанет выдавать уродство за красоту, и наоборот.

Литература и драматургия — это часть гигантского крыла мировой культуры, которое несет человека через время в вечность и бессмертие, и умные пьесы держат на своих крыльях оттенки истины, что помогает познать человека. Михаил Царев, переживая и проживая жизнь старшего Ванюшина, богатого купца, сколотившего богатство всеми правдами и неправдами, создаст не только социальный образ, но и характер многомерный, противоречивый, страдающий, тип отца, одинокого человека, цонявшего всю бессмысленность своей жизни и не понимаемого детьми с так называемыми новыми модами и в конце концов «убиваемого» беспощадным временем.

Интеллектуальный талант Царева не терпит черный цвет как основу любых тональных решений, поэтому в его игре нет ничего дохматого, дремучего, «купеческого» свирепого толка, а есть то густой мазок

маслом, то прозрачность акварели (слово вскользь, жест), то жесткая графическая черта (нахмуренные брови, складка губ). И это не нарочитое смешение стилей, это жизненная неоднородная глубина, которая свойственна богатым артистическим натурам, сочетающим в себе два диктата — чувство и мысль. Михаилу Ивановичу чужд жестокий, грубый стиль, что порой выдают за саму жизнь, он всегда человечен в том смысле, что даже трагизм его героев не обдаст вас непроницаемой чернотой, мешающей дышать.

Я люблю «Пигмалион» Бернарда Шоу за искрящуюся ярмарку парадоксов, за карусель остроумия и злоостроумия, за игру слов, за молодую радость, сообщаемую всем этим действием; и, признаюсь, особенно люблю в этой пьесе Царева, воплотившего образ мистера Хиггинса с такой веселой дерзостью, с таким блеском, доставившим мне такое высокое наслаждение, что до сих пор не могу представить другого актера в этом образе, ибо не хочу обманывать и уверять себя, что все таланты заменимы.

Для того, чтобы сохранять душевное здоровье, опасно прерывать цепь традиций, великое и вечное, то, что сообщает энергию театру. Театр — это радость, движение, свет, звук, любовь, ненависть, жизнь, смерть, бессмертие, которое должно уловить, остановить прекрасное или скорбное мгновение, утвердить истину истинной и вернуть великому слову свой изначальный вкус. Искусству театра противопоставлены витиеватое искусство лгать и неумеренная болтливость «кстати». Театр — биограф жизни нашей, он пытается вместе с тем раздвинуть границы времени. Литература и театр — это не общее представление о жизни, а эстетическое выражение общей культуры народа. Поэтому ужасно, когда актер в цепях пышных, лживых и банальных слов, извращающих действительность. Я не верю во всеядность актеров и, вероятно, вследствие этого убежден в том, что незаурядный

талант — это повод для самовыражения.

Михаил Царев — «характерный» актер крупного масштаба, то есть в его манере меньше всего, как говорится, костюмной выразительности, раздробленности, театральной броскости, он ниспровергает устоявшиеся амплуа, застывшее, давно найденное, привычное, он всегда предлагает нам не прямой жест-слово, а глубинное и поэтому интереснейшее путешествие из мира внешнего в мир внутренний, постижение состояния духа, характера (или судьбы), постепенно приоткрывая тайну персонажа, его душевную силу, его слабость, порок, страсть, одержимость. Таковы три замечательных Чацких и бесподобный Фамусов, сыгранные им в разные годы, чеховский Иванов, Старик (в одноименной пьесе М. Горького), Вожак («Оптимистическая трагедия» В. Вишневского), Ростанев («Село Степанчиково» по Ф. Достоевскому), Маттиас Клаузен («Перед заходом солнца» Г. Гауптмана), а шекспировские Лир и Макбет, эти индивидуально царевские, как бы обновленные типы ломают все прошлые сценические трактовки этих сложных фигур.

Уже много лет Михаил Царев руководит знаменитым Малым театром, на сцене которого он раскрыл перед нами и душу слабого, сломленного внутренней духовной зыбкостью Жадова, и льстеца и угодника Глумова с его озорством и желанием «подделаться к тузам», и душу молодого, дерзкого Незнамова — художника, способного бросить вызов пошлости, — образы Островского, созданные, я бы сказал, на все времена.

Говорят, что поэзия рождается вновь, когда ее читают вслух. По-видимому, это так, но при одном условии: голос чтеца не должен мешать самой сути, заслонять содержание, каким бы прекрасным он, этот голос, ни был, какими бы райскими многословными интонациями он ни обдавал.

Я большой поклонник Царева как чтеца нашей непревзойденной классики (Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Есенин, Блок), ибо встречаюсь с умным и тонким актером, занятым не «игрой» чтеца, не александрийской красотой произношения, не усыпляющей плавностью модного «ретро», не модернистской резкостью, напоминающей лай или скрежет металла, а сотворчеством, сливанием с мыслью, с чувством поэта, с его печалью и радостью (слезы и смех), с этими двумя столпами душевного мира, без чего немислима поэзия.

Исполнилось 80 лет Михаилу Ивановичу Цареву. Он по-прежнему красив своей человеческой сутью, молодо энергичен, по-прежнему выдающийся талант его высок, задорен, мудр и по-прежнему каждая встреча с ним — праздник.

Юрий БОНДАРЕВ.